

ском соборе, иже в Константине граде, в Труле полатнем, рекше в тереме царских полат, при Устпыпане благочестивом и хри-столюбивем цари». Это указание о месте заседания собора ошибочно перепесено в западнорусскую редакцию.

Таковы основные направления летописной работы, проводившейся постриженниками Волоколамского монастыря как внутри него, так и за его пределами. Среди созданных поспылянами памятников прежде всего должны быть отмечены Хропограф, впер-вые включивший русскую историю в рамки всемирно-историче-ского процесса, и Никоновская летопись — наиболее подробный свод по истории Руси. Эти произведения оказали значительное влияние на последующие исторические сочинения.

Ю. Г. АЛЕКСЕЕВ

ЧАСТНЫЙ ЗЕМЕЛЬНЫЙ АКТ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ (ОТ РУССКОЙ ПРАВДЫ ДО ПСКОВСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТЫ)

Акт на землю — документ, наиболее тесно связанный с разви-тием основного социально-экономического отношения в период феодализма — отношения земельной собственности. Именно по-этому изучение истории земельного акта имеет существенное зна-чение не только в чисто источниковедческом, но и в реально-исто-рическом плане. Являясь выражением определенной историче-ской действительности — факта отчуждения земли, земельный акт имеет свою историю, отражающую историю развития земель-ных — и не только земельных — отношений изучаемого обще-ства. Попробуем подойти к проблемам средневекового русского частного земельного акта именно с таких позиций.

Пространная Правда письменного земельного акта как та-кового не знает, но в ст. 92-й говорит о «ряде». Ряд — в данном случае завещательное распоряжение. В какой форме оно сделано, остается неизвестным. Во всяком случае нет оснований пред-полагать, что ряд должен иметь обязательно (или хотя бы преи-мущественно) форму письменного документа. Так, Повесть Вре-менных лет под 1054 г. излагает завещательные распоряжения Ярослава Мудрого: «еще бо живущю ему наряди сыны свои рек-им: се же поручаю в себе место стол старейшему сыну моему и брату вашему Изяславу... а Святославу даю Чернигов, в Все-володу Переяславль...» и т. д.¹ Итак, по летописи Ярослав отдал

¹ ПСРЛ, М., 1962, т. I, стлб. 161. — Едва ли в данном случае прав Л. В. Черепнин, считающий, что «ряд» Ярослава, — «по-видимому, пись-менная духовная грамота типа завещания Ивана Калиты». См.: Л. В. Че-репнин. К вопросу о форме Древнерусского государства X—начала XIII в. Истор. записки, М., 1972, т. 89, с. 360.

свои распоряжения устно («рек»), придав им в то же время характер ряда («пяряди сыны своя»). Официальный (нормативный) характер устного распоряжения Ярослава в летописном изложении не оставляет никаких сомнений. Таким образом, «ряд» времени Правды мог иметь характер устного распоряжения, а объектом этого «ряда» являлась и земля.²

Альтернатива ряда — передача «дома» — задницы всем детям. Опять-таки нет оснований предполагать, что при этом составлялся особый документ — прототип какой-нибудь деловой грамоты, хорошо известной в XV—XVI вв. Ст. 99-я называет «рядом» условие (правило) опеки над малолетними детьми («аче же и отчим приметъ дети с задницею, то тако же есть ряд»). Никакого письменного акта при этом не предполагается — надо только имущество дать в опеку при свидетелях — «товар дати перед людьми». Эту мысль подкрепляет и ст. 105-я, возлагающая материальную ответственность за опекуна-отчима на его сына: по ней вопрос об имуществе, утраченном отчимом, решается показанием «людей» — свидетелей: «на не же и люди вылезутъ, что будет отецъ его истеряи впочимле»; никакой письменный акт, зафиксировавший «ряд» ст. 99-й, не упоминается. Тем не менее от XII—XIII вв., т. е. от эпохи Пространной Правды, некоторые акты на землю до нас дошли.

В настоящее время известно четыре таких акта: данная (или купчая) и духовная Антония Римлянина, данная Варлаама Хутынского (XII в.) и духовная Климента.³

Уже сам перечень этих актов позволяет установить, что все они относятся к привилегированной земельной собственности фео-

² С. И. Валк. Начальная история древнерусского частного акта. В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. М.—Л., 1937, с. 295. — С других позиций подошел к данному вопросу М. И. Тихомиров, приведший случаи, когда термин «ряд» «относится определенно не к словесным действиям, а к письменным документам»: 1) духовные грамоты князей начиная с XIV в. («даю ряд»), 2) проект договора Смоленска с немцами («а ряд мой с немцами»), 3) летописное известие о послае Олега в Византию («положити ряды межю греки и Русью»), 4) рядная Тешаты и Якима о складстве (ГНП, № 330). На основании этого М. И. Тихомиров сделал попытку представить и «ряд» Русской Правды письменным документом (в частности, «ряд» ст. 99-й). См.: М. И. Тихомиров. О частных актах в Древней Руси. Истор. записки, М., 1945, т. 17, с. 243—244. Но, во-первых, приведенный М. И. Тихомировым перечень «рядов»-актов хронологически разнороден: документы XIV в. не могут быть безоговорочно привлечены для интерпретации терминов Русской Правды. Во-вторых, и это, по-моему, главное, во всех перечисляемых М. И. Тихомировым примерах под «рядом» понимается, по-видимому, сам факт договора или распоряжения, а не фиксирование его в виде акта. В данных случаях «ряд» — действие завещателя или договаривающихся сторон — так же отличается от документа об этом «ряде», как купля-покупка земли от купчей грамоты, фиксирующей эту сделку.

³ ГНП, № 102—105. — Мы не останавливаемся здесь на княжеских земельных актах (запись о Бояповой земле и др.), составляющих предмет особого исследования.

далов и представляют собой в социально-экономическом смысле акты перераспределения этой собственности, акты передачи земли от одного феодала (светского) к другому (монастырю). При этом любопытно, что из четырех перечисленных «феодалных» актов только один в какой-то мере может быть назван купчей: это данная (купчая) Антония Римлянина. Она является в то же время наиболее спорным с точки зрения достоверности документом.⁴ Купчая сохранилась в позднем (XVI в.) списке на одном листе (3 состава) с духовной (также в списке XVI в., но сделанном другой рукой).⁵ Форма и содержание данной действительно паводят на размышления. Необычно прежде всего начало документа: «Се труд госпоже моя... им же трудихся на месте сем».⁶ К акту купли эта фраза не имеет отношения, что и дает повод назвать документ (в издании ГИИ) не купчей, а данной. Но это значит, что самой купчей в распоряжении переписчика не было. Далее, данная-купчая утверждает, что Антоний купил землю у «посадничих детей» и дал «на ней» 100 рублей. Духовная же ничего о посадничьих детях не говорит, а вместо рублей называет гривны. Сведения духовной, очевидно, более достоверны. Но это еще раз подтверждает, что переписчик не видел купчей — если она была, в ней о рублях, конечно, не говорилось.

Все эти соображения усиливают скептицизм, проявленный по отношению к этому документу С. Н. Валком.⁷ Скорее всего перед нами — результат «домысливания» известных в монастыре фактов из жизни Антония.⁸ О «подлинности» акта, конечно, не может быть и речи — спор может идти только о степени достоверности сообщаемых сведений. А степень эта в сведениях относительно контрагентов сделки и формы ее, судя по всему, небольшая. Купчая, видимо, была, но остается неясным, что именно куплено, у кого и на каких условиях.

Данная Варлаама перечисляет имущество, которое вкладчик дает в монастырь.⁹ В составе этого имущества есть и земля: 1) рель против села на Волхове; 2) «другое село» на Слудици,

⁴ По поводу подлинности перечисленных актов (кроме духовной Климента) существуют противоположные мнения С. Н. Валка, отрицающего их подлинность (Начальная история..., с. 295—308), и М. Н. Тихомирова, настаивающего на ней (О частных актах, с. 225—243).

⁵ Архив ЛОИИ. Собрание актов до 1613 г., № 1.

⁶ М. Н. Тихомиров видит в этих словах черту, указывающую «на древность первоначального текста», ссылаясь при этом на соответствующие выражения из Поучения Мономаха и Введения к Мерику Праведному (О частных актах..., с. 239). Но там эти слова уместны, а здесь нет.

⁷ С. Н. Валк. Начальная история..., с. 295—300.

⁸ М. Н. Тихомиров вынужден фактически признать сложный, «подновленный» характер «купчей» (О частных актах..., с. 239—240).

⁹ М. Н. Тихомирову, на мой взгляд, удалось доказать древность (если не подлинность) этого акта (О частных актах..., с. 226—233). Необычной чертой акта является перечисление отдельных статей вклада по номерам, что, насколько я знаю, в такой форме не встречается больше ни в одном документе на протяжении веков.

«ншви и пожни и ловища, и еже в немь»; 3) угодыя на Волхове. Грамота не содержит никаких данных ни о способах приобретения земли вкладчиком, ни об условиях вклада и включает четыре элемента: 1) имя вкладчика, 2) название монастыря, 3) перечисление объектов вклада, 4) запретительную формулу — заклятие: «Аще кто днавольмь научен и злыми человеки наважен цьто хочеть отьяти... а буде ему противен святой Спас...». Аналогичная запретительная формула встречается и в княжеских пожалованиях XII в. повгородским монастырям.¹⁰ Какова роль этой запретительной формулы? Она несомненно имела магическое значение с точки зрения дарителя и рецептора. Но представляется, что заклятие имело и известное реальное значение. Против кого оно направлено? Против тех, кто будет пытаться отнять объект вклада у монастыря. Кто же это может быть? Ответ на этот вопрос находим в древнейшей из княжеских вкладных — в грамоте кн. Мстислава Владимировича Юрьеву монастырю. После указания объекта вклада (села Буйце с дапью и т. д.) кн. Мстислав пишет: «... даже который князь по моему княжению почьпеть хотеть отьяти у святого Георгия... и ть святыи Георгии у него то отимаеть». Это почти дословно формула заклятия, помещенного в конце грамоты: «даже кто запретить...» и т. д. Заклятие, таким образом, направлено в данном случае в первую очередь против будущего князя, если он захочет нарушить распоряжение Мстислава (и Всеволода, дополнившего дар отца). И действительно, именно князь-преемник мог скорее всего опротестовать дар князя-предшественника. Аналогичное значение имеют запретительные формулы и в других актах XII—XIII вв. Наличие этих формул, видимо, говорит о неразрывном представлении об отчуждении земли. Земля, отчуждаемая в монастырь, могла быть затребована наследниками, сородичами или другими лицами, имевшими с точки зрения еще недавно господствовавшего обычного права какую-то связь с ней. Формула говорит, с одной стороны, об остатках, пережитках старого представления о земле как о чем-то, не выходящем из более или менее узкого круга владельцев, с другой — об успехах новой, противоположной точки зрения, рассматривающей землю как частную собственность дарителя. В дальнейшем эти формулы становятся все реже и к XVI в. выходят из употребления. Основная причина этого — развитие практики отчуждения земли, как следствие нарастающих феодальных отношений.

Грамоты Антония (духовная) и Варлаама (вкладная) имеют известные черты сходства. Сходны прежде всего фигуры вкладчиков. Для облика Антония характерны два основных момента: во-первых, он человек пришлый, без рода, без племени; во-вторых, он прежде всего игумен, глава монастырской братии. Его имущественные сделки-купли, совершенные при жизни, тесно

¹⁰ ГИП, № 79—82.

связаны с монастырем и являются, собственно, одним из моментов основания самого монастыря: они сделаны при самом этом основании («егда седох на месте сем», по словам духовной). Таким образом, независимо от того, к какому социальному слою первоначально принадлежал Антоций, конечный результат его хозяйственной деятельности — образование феодальной (монастырской) земельной собственности. В отличие от Антония Варлаам Хутынский — выходец из среды новгородского боярства. Но он также игумен, и его вклад в монастырь тоже не отделим от деятельности по устройению монастыря. Его грамота не носит характера духовной — в ней нет распоряжений, аналогичных такому в духовной Антония.¹¹ В этом основное формальное отличие обоих актов, весьма близких друг к другу по существу дела. Существо же дела (с социально-экономической точки зрения) — безвозмездная и безусловная передача монастырю феодальной земельной собственности (осуществляемая основателями и руководителями монастыря).

Другую картину рисует духовная Климента — более поздний и гораздо более богатый по содержанию документ.¹² Климент — человек светский; его связи с монастырем при жизни носили экономический характер — монастырь был его кредитором. Климент владел городским двором, четырьмя селами с «тянущими» к ним землями (в том числе «малыми селищами», в которых можно видеть поселения зависимых смердов или холопов), стадами; он распоряжался довольно значительными суммами денег. В то же время он не боярин и не дружинник. Его социальные связи — не в княжеском окружении, а в «купецком сте». Перед нами характерный, вероятно для Новгорода, тип феодала-купца (а не феодала-дружинника), не зависящего (как и вся республика) непосредственно от князя и его пожалования.¹³

Климент умирает бездетным и без близких родственников. Этот случай не предусмотрен Пространной Правдой. Завещание Климента отличается от того «ряда», который имеет в виду ст. 92-я Пространной Правды, ему не приходится «разделить дом своим детям», не может он воспользоваться и льготной ст. 91-й — передать землю дочери. Грамота Климента — особое завещатель-

¹¹ Поэтому, мне кажется, правильнее датировать акт 1192 г. — годом основания монастыря (по летописи), как принял издатель ГИП, а не 1211 г. — годом смерти Варлаама, как считает М. П. Тихомиров и присоединившийся к нему А. А. Зимин (Памятники русского права, вып. 2. М., 1953, с. 108, 113).

¹² ГИП, № 105.

¹³ М. П. Тихомиров считает возможным отождествить автора духовной с тысяцким Климентом, известным из летописи (М. П. Тихомиров, М. В. Щепкина. Два памятника новгородской письменности. Труды ГИМ. Вып. VIII. Памятники культуры. М., 1952, с. 14—17). Гипотеза эта остается, на мой взгляд, недоказанной, но сама возможность ее выдвижения подчеркивает принадлежность Климента к социальной верхушке Новгорода.

ное распоряжение, не предусмотренное Русской Правдой и отражающее, как мне кажется, дальнейшую ступень развития частной собственности на землю — собственности феодальной.

Климент «даст» Юрьеву монастырю два села за полученную у монастыря ссуду; третье село идет «Волнову сынови Андрю»; «платил за мене Дашило и Воин искуп литовский»; только одно из четырех сел завещается без условий некоему Калисту. Таким образом, большую часть своего недвижимого имущества — примерно три четверти его — Климент отчуждает не безвозмездно. Перед нами замаскированная своеобразная продажа земли, вовсе не предусмотренная статьями Русской Правды. Но это не обычная продажа. Даритель вступает в особые отношения с монастырем как с душеприказчиком, поручает ему свою жену, завещает ему имущество, не указанное в духовной («хотя подо мною что останется, или лошак или оружие...»). Передача земли оказывается связанной с установлением личных отношений определенного рода — с заботой о вдове, пострижением ее и т. д. Отчуждение сел монастырю по духовной носит сложный характер и отнюдь не тождественно простому переходу земель от одного феодала к другому. Это своего рода отношения патроната.

Не является обыкновенным даром и передача земли «Волнову сынови» — даритель подчеркивает именно это обстоятельство: «то же есмь не даром дал». Создается впечатление, что у дарителя были какие-то основания не давать землю «даром».¹⁴ Только Калист получил свое село без условий, указанных в духовной; но, возможно, при передаче села эти условия были оговорены: село ведь уже дано Калисту в момент составления духовной («есмь дал», — пишет Климент в этом случае, а в двух других — «даю»). Земля монастырю передается «одерень» (впервые в акте встречается это слово), впервые встречается и заводник — «сусед» Опал.¹⁵ Обязанность заводника — произвести «завод» (или отвод — по терминологии Северо-Восточной Руси), показать между отчуждаемого владения. Запретительная формула грамоты Кли-

¹⁴ Институт дарения в раннесредневековом обществе рассмотрен (на скандинавском материале) в недавнее время А. Я. Гуревичем. Не присоединяясь полностью ко всем выводам автора, пахожу, что некоторые его наблюдения весьма интересны и заслуживают внимания, — в частности, мысль о том, что безвозмездное дарение создает при определенных условиях особый род связей между дарителем и реципиентом (по А. Я. Гуревичу, подчинение первому второму). См.: А. Я. Гуревич. Богатство и дарение у скандинавов в раннем средневековье (некоторые нерешенные проблемы социальной структуры дофеодального общества). Средние века, М., 1968, вып. 31, с. 186—195.

¹⁵ В своем комментарии М. П. Тихомиров справедливо подчеркнул значение «суседа» как «жителя самоуправляющейся единицы, например улицы» (М. П. Тихомиров, М. В. Щепкина. Два памятника..., с. 16). «Сусед» феодала Климента, возможно, член той же территориальной общины, городской или сельской, к которой принадлежит автор духовной. Во всяком случае «сусед» — это, по-видимому, человек, принадлежащий к тому же социальному слою, что и завещатель.

мента представляет значительный интерес: «Аже кто въступить на сю грамоту, да не со мною с однимъ станеть вре богомъ, съ всимъ мопмъ племенемъ». Бездетный Климент распоряжается своим имуществом от имени всего своего «племени», всех своих родичей, вероятно, уже умерших. В заключительных словах формулы отражается древнее обычное право, рассматривавшее землю как принадлежность определенного круга лиц — родственников и исключавшее возможность отчуждения ее на сторону.

Таким образом, сохранившиеся грамоты XII—XIII вв. свидетельствуют о практиковавшемся в то время отчуждении земли в посторонние руки (не родичам) и отражают сделки между феодалами. Существовали ли подобные сделки между крестьянами-общинниками? Прямых указаний на это нет. Но на таком основании нельзя отрицать возможность сделок. Земля крестьянина-общинника могла переходить из рук в руки по крайней мере в рамках данной общины. Как же это происходило и как оформлялись такие сделки?

В поисках ответа на этот вопрос обратимся к Псковской судной грамоте (далее: ПСГ). Большинство исследователей, начиная с И. Е. Энгельмана, рассматривают ПСГ как сложный памятник, складывавшийся на протяжении длительного времени и прошедший через несколько редакций. Такой подход к ПСГ представляется наиболее правильным и перспективным.

Для нас, однако, существенное значение имеет не дата появления ПСГ как таковой и не история складывания ее как памятника, а время действия отраженных в ней правовых норм.¹⁶ Это время охватывает, по-видимому, весь XIV в. и первую половину XV в., возможно также, вторую половину XIII в.¹⁷ Таким образом, эпоха ПСГ следует непосредственно за эпохой Пространной Правды и эти основные юридические памятники своего времени должны рассматриваться в неразрывной последовательности, как две идущие одна за другой ступени исторического процесса. Более того, в ПСГ могут отразиться нормы, действовавшие и во времена Правды.¹⁸

Земельного имущества касается целый ряд статей ПСГ (9—13-я, 55-я, 70-я, 79-я, 82-я, 100-я, 104-я, 106-я). В совокупности

¹⁶ Помимо этого считаю возможным не касаться здесь важной и интересной проблемы истории текста ПСГ, в частности вопроса о ее редакциях.

¹⁷ По мнению И. И. Полосина, ПСГ — в основном памятник XIV в.: «ПСГ была памятником действующего права только в середине XIV в.» (Псковская судная грамота. Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, М., 1952, т. 64, вып. 3, с. 148). Однако представлению о столь узких хронологических рамках действия ПСГ не соответствует мнение того же автора о длительной — растянувшейся на века — работе по составлению этого памятника.

¹⁸ «Органическое родство» обоих памятников — ПСГ и Русской Правды — справедливо подчеркивает Л. В. Черепнин (Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. I. М.—Л., 1948, с. 431).

они составляют своего рода «суд о земле» (применяя терминологию, принятую исследователями относительно Русской Правды). Суд о земле открывается ст. 9-й. Ввиду особой важности этой статьи приведем ее целиком (разбив текст на параграфы для удобства дальнейших ссылок).¹⁹

В статье речь идет не о земле вообще, а только «о земле полней или о воде» (§ 1). Следующий параграф поясняет, что такое эта «полняя земля»: это земля, на которой «двор или нивы розстрадни». Смысл определения в том, что это земля жилая и обрабатываемая.²⁰

Если первые два параграфа определяют объект владения как таковой, то третий параграф устанавливает основное условие для признания «полней земли» собственностью данного лица: это условие — реальное владение, обработка земли в течение 4—5 лет. Именно в этом состоит смысл выражения «стражет и владеет», элементы которого употреблены не альтернативно, а либо как синонимы, либо как дополняющие друг друга обязательные условия.

Важнейшее значение для понимания статьи имеет следующий четвертый параграф. Истец — «стражущий и владеющий» обладатель двора и «розстрадных» нив — для обоснования своих прав на землю должен сослаться на 4—5 соседей. Показания этих соседей и решают исход дела (§ 5 и 6). Перед нами развернутое и четкое постановление о земельных тяжбах. Спор о земле решается без предъявления каких бы то ни было документов, простым показанием «соседей», которые выступают в данном случае не просто как эксперты-знахори, а фактически как решающая инстанция. Ясно, что подобный суд о земле не предполагает и наличия каких-либо актов на землю — они попросту не нужны. В быту, в повседневной практике «стражущих» дворо- и нивовладельцев и связанных с ними «соседей» такой акт не имеет места. Кто же они, эти

¹⁹ «А коли будет с кем суд: § 1. О земли о полней или о воде. § 2. А будет на той земли двор или нивы розстрадни. § 3. А стражет и владеет тою землею или водою лет 4 или 5. § 4. И по тому иску слатся на сосед человек на 4 или на 5. § 5. А соседи став, на конх шлются, да скажут, как прав пред богом, что чист.

1. И той человек, которой послался, стражет и владеет тою землею или водою лет 4 или 5.

2. А супротивень в те лета ни его судил, ни на землю наступался или на воду.

§ 6. Ино земля его чиста или вода, и целованна ему нет; а тако не допскался кто не судил, ни наступался в ты лета» (Псковская судная грамота. Издание Археографической комиссии. СПб., 1914 (далее: ПСГ), с. 3).

²⁰ Н. Мурзакевич, первый издатель и комментатор ПСГ, в полном противоречии с текстом статьи склонен был считать «полную» землю «непахотной, гулевой землей» (Псковская судная грамота, составленная на вече в 1467 году. Одесса, 1847). Но уже Ф. Устрялов в своем переводе и комментарии понимает эту землю именно как пахотную (Исследование Псковской судной грамоты 1467 г. СПб., 1855, с. 124, 147).

«стражущие» владельцы и их «соседи»? Думаю, не будет слишком искусственным предположение, что это свободные крестьяне-общинники, прямые и непосредственные потомки «людей» Русской Правды, и что ст. 9-я ПСГ вводит нас в доселе закрытый от наших взоров мир соседской общины — основной социальной ячейки древнерусского общества, предшественника и антагониста феодальной вотчины.²¹ Ст. 9-я, вероятно, отражает древнее общинное право — обычай, становящийся теперь законом. Это общинное земельное право основано не на письменном акте, а на памяти соседей-общинников, таких же «стражущих» дворовладельцев. Земля между ними переходит, очевидно, без всяких актов.

Со ст. 9-й тесно связана и ст. 55-я. «Отморщина» или «приказное» судится по тем же нормам, что и «полняя земля»; вероятно, эта последняя и входит в состав отморщины или приказного.²² Отморщина отца — это наследство, доставшееся после смерти отца; приказное — то, что получено по «приказу» — завещанию. Нет необходимости видеть в этом «приказном» имущество, полученное от какого-то постороннего лица. Возможно, отморщина — это то, что досталось от лица, умершего «без ряду», а «приказ-

²¹ Весьма интересный комментарий к этой статье дал И. И. Полосин. По его мнению, статья «рисует... очень архаические общественные отношения» и могла сложиться не позже чем в XI в. Статья отражает «картину эпохи становления феодализма»; именно вследствие этого «в земельных делах 70-х годов XV в. она не могла фигурировать» (Псковская судная грамота, с. 59, 60). В противоположность этому А. А. Зимин рассматривает ст. 9-ю с той точки зрения, что, «отражая интересы феодалов-землевладельцев, ПСГ особое внимание уделяет защите их земельных богатств». «... считать, что ст. 9 рисует „индивидуальную жизнь первобытной общины“... нет никаких оснований» (Памятники русского права, с. 335). Мне кажется, что в целом И. И. Полосин ближе к истине. Ст. 9-я отражает, видимо, старинные нормы права, сложившиеся действительно давно. Однако, вопреки И. И. Полосину, из этого еще нельзя заключить, что в XV в. она потеряла свое значение. Сложность развития феодальных отношений могла привести к параллельному существованию на длительном этапе и старых, отживающих, и новых правовых норм, отражающих старое общинное и новое феодальное право. Община ст. 9-й не первобытная, а жизнь ее, вероятно, не индивидуальная. Но это все-таки община на одном из этапов своей длительной истории. Нет оснований, на мой взгляд, и сблизить нормы ст. 9-й с судебной практикой XV в. в Северо-Восточной Руси, как это делает А. А. Зимин: эта практика основывается прежде всего на письменном акте на землю.

²² «А оу кого поймаются за отморщину отца его, или приказной. А и соседем будет ведомо, или сторонними людем. А став человека 4 или 5, а молвят, как право пред богом, что число оу него, отморщина отца его ли приказное, и целованья ему нет, а тот не доискался. А только будет человек 4 или 5 скажут, как право пред богом, ино ому правда дать, как чисто отморщина» (ПСГ, с. 13). Близость ст. 55-й к ст. 9-й отметил еще И. И. Полосин (Псковская судная грамота, с. 84). К ст. 55-й близка следующая статья 56-я, трактующая о купле на торгу. Спор об этой купле также решается показаниями свидетелей, которые, однако, здесь не названы «соседями».

ное» — то, что завещано по «ряду», в соответствии с нормами ст. 92-й Пространной Правды.²³ Здесь, как и в ст. 9-й, не требуется никакого письменного акта, его попросту нет. Перед нами опять тот же мир «соседей», хорошо знающих друг друга из поколения в поколение и своими показаниями решающих исход дела.

Участие «соседей» в тяжбах, в частности в тяжбах земельных, — характерная черта общинного мира, спаянного тесной взаимосвязью своих членов. Ст. 70-я прямо запрещает «соседам» ходить «помочью» «за церковною землею и на суд», возлагая это на церковных старост,²⁴ а ст. 58-я показывает, что делают (или могут делать) нежелательные для суда «пособники», которые ходят «на суд помочью»: они лезут «в судебную» силою, бьют «подверника» (судебного сторожа), за что подвергаются суровому наказанию. Старый общинный порядок суда с непременною участіем «соседей» здесь вступает в противоречіе с новыми нормами права.

Статьи 9-я и 55-я и рисуемые ими порядки дают, мне кажется, удовлетворительный ответ на вопрос о земельных сделках между членами общины. Такие сделки совершались без письменного оформления — на глазах у «соседей» и с «соседами» в качестве хранителей памяти о сделке.

Однако суд о земле отнюдь не ограничивается этими статьями. Вслед за ст. 9-й идет ст. 10-я, не менее замечательная по содержанию.²⁵

Ст. 10-я рисует совершенно иную картину, чем предыдущая. Никаких «соседей» тут нет: межники — просто технические эксперты. Решающим аргументом в споре являются грамоты, с предъявлением которых, собственно, и начинается процесс, кончающийся судебным поединком (ему и посвящены две следующие статьи ПСГ). Таков суд о «лешей земле». Что же это за земля? Почему суд о ней так сильно отличается от суда о «земле полней»? Новейший комментарий статьи принадлежит А. А. Зимину, который трактует лешую землю двояко: а) как лесные угодья; б) как землю, поросшую лесом.²⁶ С этой точки зрения непонятно,

²³ М. Ф. Владимирский-Буданов, с моей точки зрения, прав, трактуя отморшину как имущество, переходящее к наследникам по закону, а приказное — как имущество, переходящее по завещанию (Обзор истории русского права. Изд. 4-е. Киев, 1905, с. 500).

²⁴ Значит в других случаях ходить «помочью» можно.

²⁵ «О лешей земли будет суд, а положат грамоты и двои на одну землю, а зайдут грамоты за грамоты, а исца оба возмут межников, да оба изведутца по своим грамотам, да пред господою ставши, межничество съмнут, ино им присужати поле».

²⁶ А. А. Зимин. Памятники русского права, с. 337. — И. И. Полосин считает, что «речь идет об охотничьих угодьях, об участках строевого дровяного леса» (Псковская судная грамота, с. 61). По мнению Л. В. Черепнина и А. И. Яковлева, здесь имеется в виду земля, неудобная для обработки, — земля под лесом (Л. В. Черепнин и А. И. Яковлев.

почему суд о лесных угодьях (или о заросшей лесом земле) так похож на суд о «земле полней». Более вероятно, что в ст. 10-й речь идет о новых лесных «росчистях» — элементе внутренней колонизации. По старым общинным распорядкам такая «росчисть» составляла полную собственность своего хозяина и в круг общинных земель не входила. Попятно поэтому, что она раньше другой земли — старой пашни — могла попасть в руки человека постороннего, с общиной не связанного. При отчуждении такой земли ее собственник, расчистивший лес, мог не считаться с общинными порядками и основанным на них обычным правом. Но зато и эти порядки уже не охраняли новую собственность: единственной гарантией здесь служил письменный акт — грамота.²⁷ Независимо от социального лица грамотчика в споре о «лесной земле» ход процесса здесь основан на совершенно иных, преобщинных, нормах, нормах по существу феодальных, означающих объективно разрыв с общиной и ее порядками и традициями. Значение ст. 10-й в том, что она показывает, когда и в какой ситуации возникает грамота — земельный акт. Если мы трактуем статью правильно, то эта грамота возникает именно в момент разрыва земельных связей с общиной и фиксирует этот разрыв. При этом грамотчик не обязан порывать с общиной лично — он порывает с ней только как владелец земли, полученной по грамоте.

Псковская судная грамота. Истор. записки, 1940, т. 6, с. 238, 266). За ними следует и Н. Д. Мартысевич (Псковская судная грамота. М., 1951, с. 68, 130). Так понимал «лесную землю» и Ф. Устрялов (Исследование Псковской судной грамоты 1467 г., с. 125, 148). И. Энгельман, напротив, считал, что «лесная земля приводится здесь только в пример» и что «нет никакой причины ограничить это правило случаем спора о лесных участках» (Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской судной грамоте. СПб., 1885, с. 126). Точка зрения Энгельмана не имела поддержки в литературе — большинство исследователей продолжали интерпретировать землю ст. 10-й именно как лесной участок. В этой связи представляет интерес замечание К. А. Неволпина: «...землею под лесом нельзя было пользоваться так непрерывно, так для всех видимо (курсив мой, — Ю. А.), как землею пахатною или водою» (История Российских гражданских законов, т. 2. СПб., 1851, с. 183). Наиболее ценная мысль К. А. Неволпина заключена в подчеркнутых мною словах: условия пользования лесным участком — условия особые: в отличие от пахотной земли владение этим участком «невидимо» для «всех», т. е. для соседей — общинников ст. 9-й.

²⁷ В данном случае (в отличие от ст. 9-й) А. А. Зимин совершенно прав, когда сближает суд о «лесной земле» с обычными порядками судопроизводства, существовавшими в Северо-Восточной Руси конца XIV—XV в. (Памятники русского права, с. 337). И. И. Полосин правильно отметил, что ст. 10-я принципиально отличается от ст. 9-й, отражая другой, более высокий, уровень развития общественных отношений. Однако он несколько упрощенно трактует ситуацию ст. 10-й, считая, что «если у истцов грамота на руках, то значит, это феодалы: письменный документ проникает в крестьянский быт очень поздно» (Псковская судная грамота, с. 60—61). Обладателем грамоты не обязательно должен быть уже оформившийся феодал, им мог быть и его предшественник — мелкий вотчинник крестьянского типа в момент «сколачивания» своей квази-феодальной вотчины.

Грамота возникает — исторически и географически — на границе общины.

Ст. 10-я не одинока. К ней примыкает ст. 13-я — об отнятии земли выкупом.²⁸ Эта статья рисует следующий этап того процесса отчуждения земли по грамоте (т. е. на сторону), который начат в ст. 10-й. В противоречие с этим новым порядком отчуждения по грамоте вступает старый обычай родового выкупа, непосредственно связанный с обычным правом и с общинными попятнями и традициями. И ст. 13-я отдает новому явное предпочтение перед старым. Обладание грамотами делает ответчика хозяином положения: «хочет на поле лезет или своего исца к правде ведет...».²⁹ Право выкупа еще функционирует как институт, но сделка на землю, оформленная грамотой, уже выходит на первый план. Отсюда и повышение роли грамоты как юридического явления, и учащение случаев фиксирования земельных сделок. Именно это увеличение числа (и роли) земельных актов отразили статьи 79-я и 82-я. Ст. 79-я («А коли имут тягаться о земли или о воде, а положат двои грамоты...») даже до известной степени противоречит ст. 9-й, предписывающей совсем другой порядок суда о «земли (полней) и воде». Это противоречие не случайно. Ст. 79-я отражает новые тенденции в земельных тяжбах, соответствующие новым развивающимся отношениям. Эти отношения так же немислимы без грамоты, как немислима эта грамота на патриархальном суде о «полней земле», решаемом показаниями «соседей». Ближе к этому ряду новых статей подходит и ст. 82-я — о судебных пошлинах в земельных тяжбах.

Прямое отношение к новому порядку отчуждения земли (точнее, к отраженным в нем сторонам действительности) имеют и статьи 104-я и 106-я. Первая из них трактует вопрос о земельном закладе.³⁰ Для нашей темы в этой статье важен самый факт заклада земли, воды, двора и клети. Заклад земли — один из способов ее отчуждения. Ст. 104-я показывает этот способ в действии, причем, разумеется, составляется соответствующий акт (получивший впоследствии название «заемная закладная кабала»).

²⁸ «А кто у кого иметь землю отымати выкупом, а старые грамоты у того человека, у кого землю отимают, ино воля того человека, у кого старые грамоты: хочет на поле лезет или своего исца к правде ведет, на его выкупке, покуда отнимает» (ПСР, с. 3—4).

²⁹ Л. А. Зимин прав, считая, что по этой статье «право выкупа ограничено... неизвестным сроком давности» (Памятники русского права, с. 339). Н. И. Полосин подошел к этой статье несколько односторонне, связав ее исключительно с «боярской средой» («крестьяне не интересовались правом родового выкупа») и отнес ее к более позднему времени, чем ст. 9-ю (Псковская судная грамота, с. 62).

³⁰ «§ 1. А которые исцы вымут на умершего заклад, грамоты двои или трои или пятеры на одну землю, или на воду, или на один двор, или на одну клеть. § 2. А у тех исцов, у кого заклад грамоты, сверх того и записи и на того умершего и на его заклад. § 3. И у иных истцев не будет записи, только заклад грамот. § 4. Ино им правда давши да

Ст. 106-я, завершающая суд о земле, имеет особое значение.³¹ Эта статья показывает дальнейшую (по сравнению со ст. 10-й) стадию процесса отчуждения земли по грамотам. Если в ст. 10-й речь идет об отчуждении «лучшей земли» — индивидуального владения, расчищенного общинником (причем этот акт формально не затрагивает интересов остальных «соседей»), то ст. 106-я рисует ситуацию прямо противоположную. Центральным моментом этой новой ситуации — именно «затрагивание» земель «многих сябров». Статья исходит из того, что истец имеет грамоты на землю, и в частности, купчую грамоту. Кто же такой этот истец? Это, конечно, не «стражущий» владелец двора и пивы из ст. 9-й. Это грамотчик ст. 10-й, человек со стороны, чуждый своим соседям — «сябрам». Кто же такие «сябры»? Они имеют (§ 2 и 3) каждый свою землю и борть, т. е. являются в сущности не складчиками, совместно ведущими хозяйство, а индивидуальными владельцами. Естественнее всего видеть в них персонажей ст. 9-й — «стражущих» владельцев дворов и пив, тех самых «соседей», показания которых решают старинный суд о «полней земле».³² Но на этом новом суде показания их не решают ничего. От «сябров» тре-

деят по делу и по серебру: колко серебро, ино и доля ему по тому числу, ож ближнее племя восхоцет заклад выкупити. § 5. А у кого исца заклад и запись на умершего, ино ему целовашья нет на его дело».

³¹ § 1. А кто с ким ростяжутся о земле или о борти. § 2. Да положат грамоты старые и купленную свою грамоту, о его грамоты зайдут многих бо сябров земли и борти. § 3. 1. И сябры все станут на суд в одном месте. 2. Отвечаючи кто жъ за свою землю или за борть. § 4. Да и грамоты пред господою покладут, да и межников возмут. § 5. И тои отведут у стариков по своей купной грамоте свою часть, ино ему правда дати на своей части. § 6. А целовашью быть одному, а поцелует во всех сябров, ино ему и судница дати на часть, на которой поцелует».

³² Так и понимает этих «сябров» Б. Д. Греков (Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Изд. 2-е, кн. I. М., 1952, с. 460—463). И. И. Полосин, как мне кажется, верно уловил основной смысл статьи: «... кем бы ни были стороны, одно несомненно... давность земельного владения спорит с купчей на землю» (Псковская судная грамота, с. 103). Он же отметил и связь ст. 106-й со ст. 9-й. Однако едва ли прав И. И. Полосин, когда считает, что ст. 106-я возникла «в резко изменившихся условиях общественной жизни Пскова». Эти условия менялись, вероятно, совсем не «резко», а медленно, но зато непрерывно, безостановочно. Отражая разный уровень общественных отношений, обе статьи могли действовать в одно и то же время. М. Ф. Владимирский-Будаков, сопоставляя ст. 106-ю со ст. 10-й, правильно отметил разницу между этими статьями: «... в ст. 10-й указывается случай тяжбы между двумя лицами, а здесь — между лицом и товариществом» (Христоматия по истории русского права, вып. 1, изд. 5-е. Киев, 1899, с. 187, прим. 220). Иначе подошел к этой статье В. И. Сергеевич. С его точки зрения, «сябры» здесь — не члены общины совладельцев («товарищества»), а индивидуальные, причем между собой не связанные, «случайные совладельцы», «они не стороны, а свидетели». Однако такой подход к ст. 106-й сопряжен, по собственному признанию В. И. Сергеевича, с «едва ли преодолимыми трудностями» — настолько он формален и педант к тексту и контексту статьи (В. И. Сергеевич. Древности русского права, т. III, изд. 2-е. СПб., 1911, с. 73—75).

буются грамоты, экспертиза «межников» (§ 4) и целованье (§ 6). Правда, еще играют роль показания «стариков» (§ 5), но в целом суд идет по грамотам, как и в статьях 10—13-й. Перед нами вторжение грамоты в мир «соседей»-общинников, в мир их обычного права, защищающего их участки с дворами и «розстрадаемыми нивами». Ст. 106-я означает фактически новый этап суда о земле в целом: проникновение грамотчика в круг общинников-«сябров» с необходимостью должно привести к перестройке внутриобщинных отношений и, в частности, порядка и правила закрепления земли за владельцем. Ст. 106-я фактически отрицает нормы ст. 9-й. Ст. 9-я перестает действовать тогда и постольку, когда и поскольку в спор «о земле и борти» вступают в качестве аргументов грамоты. С этого момента грамоты становятся основным аргументом тяжущихся сторон со всеми вытекающими отсюда последствиями — последствиями, заведомо благоприятными для обладателя грамоты, в ущерб «стражущим» владельцам и их «соседам».

В прямой связи с судом о земле находится также суд о наследстве (статьи 88—91-я). В его составе наибольшее значение для нас имеют статьи 88-я и 89-я. По содержанию они очень близки друг другу: в обеих идет речь об имуществе, оставшемся после одного из супругов.³³ Существенное значение имеют в этих статьях указания на «рукописание» и на «отчину» жены (в ст. 88-й). Во-первых, устный «ряд» Правды начал уступать место «рукописанию» — письменному распоряжению имуществом. Так появляется еще один вид земельного акта — духовное завещание в части, касающейся земли. Во-вторых, и это еще более важно, расширяется круг лиц, которым может быть передана земля. Наибольшее значение имеет «отчина» жены.³⁴ Значит, в полном противоречии с Уставом о наследстве Пространной Правды «сестра» эпохи ПСГ «пмает задницу» — «отчину». Женщины становятся владелицами земли, которая окончательно, та-

³³ Ст. 88-я: «А у которого человека помреть жена без рукописання, а у ней останется отчина, ино мужу ея владети тою отчиною до своего живота, только не оженится; а оженится, ино кормит ему нет». Ст. 89-я: «А у которой жены муж помреть без рукописання, и останется отчина или живот, ино жене его кормится до своего живота, толко не поидет замуж, а поидет замужь, ино ей нет».

И. И. Полосин трактует эти статьи (и следующие — статьи 90-ю и 91-ю) как отражение далекой псковской старины, боярского быта и вотчинного права (Псковская судная грамота, с. 95—96). Для такой социальной характеристики персонажей суда о наследстве нет, однако, никаких оснований. Гораздо более правдив, на мой взгляд, комментарий А. А. Зимина, отметившего два важных момента: развитие в этих статьях норм Пространной Правды и переход к письменному завещанию (Памятники русского права, с. 368—369).

³⁴ А. А. Зимин правильно трактует «отчину» как недвижимое имущество — землю (Памятники русского права, с. 369). Это вполне подтверждается актами, изданными Л. М. Марасиновой; см.: Л. М. Марасинова. Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966 (далее: НПГ).

ким образом, превращается в аллод.³⁵ О расширении права распоряжения землей говорит, как мне кажется, и ст. 100-я. По этой статье мы видим, что «отчина» может быть дана «племяннику» (т. е. не прямому наследнику) при жизни или перед смертью с обязательным составлением грамоты, причем эта данная «отчина» уже не включается в «рукописание».³⁶ Таким образом, развитие наследственного права соответствует тому же процессу развития собственности на землю — собственности, оформляемой грамотой — земельным актом и теряющей свои прежние общинные обычно-правовые черты.³⁷

³⁵ На значительное расширение прав наследования и завещания по этой статье указывал еще М. Ф. Владимирский-Буданов, отметивший, в частности, значение завещания, сделанного женщиной (Обзор..., с. 501).

³⁶ На основании этой статьи М. Ф. Владимирский-Буданов пришел к выводу о полном, неограниченном праве распоряжения «всяким родом имущества, не стесняясь ни родовым характером имущества, ни значением недвижимых имуществ» (М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор..., с. 501). Едва ли, однако, ст. 100-я дает право для такого расширительного толкования: в ней речь идет об отчуждении земли не всякому постороннему человеку, а только родственнику — племяннику, хотя и не прямому наследнику. С точки зрения А. И. Неусыхина, здесь перед нами вторая форма отчуждения земли — завещание по воле умершего, причем эта воля все еще ограничена определенным, хотя и широким кругом родства (ср.: А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956, с. 13).

³⁷ Для характеристики земельного наследования эпохи ПСГ исключительное значение имеет упомянутый комплекс документов XIV—XV вв., обнаруженный, изданный и интересно прокомментированный Л. М. Марасиновой. Анализ этих документов в целом выходит за рамки настоящей статьи и должен послужить предметом специального рассмотрения. Здесь же отметим только некоторые черты псковских духовных. 1. Из девяти дошедших до нас «рукописаний» семь составлено перед смертью, два «при животе» (НПГ, № 30) или «ходя при своем животе» (НПГ, № 34). Начало этой духовной Ульяны было прочитано издателем и воспроизведено в печати не совсем верно: «... Ульяна, ходя при своем животе» интерпретировано так: «... Ульяна Ходя, при своем животе» (НПГ, с. 74). Значит, «рукописание» могло носить характер заблаговременного распоряжения в отличие от ст. 92-й Пространной Правды. 2. В пяти случаях (НПГ, № 18, 30, 33—35) «рукописание» называется также и «рядом» («учинил ряд» и «даю ряд» — в смысле «устраиваю», «распоряжаюсь»). 3. Объектом распоряжения во всех девяти случаях является земля, называемая также «отчиной» (НПГ, № 33, 35), и «живот» (движимость). 4. В четырех случаях земля завещается жене и дочерям, но только как «кормля» — в соответствии с нормами ст. 89-й ПСГ. Только в одном случае (№ 8) дочь получает (после смерти матери) землю «в одерень». Однако в двух случаях (№ 33 и 34) женщины сами выступают в роли завещательниц, причем если в первом случае «рукописание» составляет княгиня (подпадающая вполне под ст. 91-ю Пространной Правды), то во втором случае «солом своим» распоряжается мелкая вотчинница Ульяна. Другими наследниками недвижимого имущества по завещанию являются муж (№ 33), племянник (№ 33), «деверичичь» (№ 34). 5. Завещание земли в ряде случаев носит условный (временный) характер: завещатель оговаривает, кому должна поступить земля после «живота» первого наследника. Так, некий Семион, завещавший «село свое» жене «до живота и замужа», предусматривает в дальнейшем переход

Итак, статьи ПСГ, связанные с землей, распадаются (с точки зрения оформления прав на землю) довольно отчетливо на два слоя. К одному из них относятся ст. 9-я и родственные ей статьи, к другому — ряд статей, начинаемый ст. 10-й и завершаемый ст. 106-й. Статьи первого слоя не знают земельного акта как такового; статьи второго слоя на этом акте основываются. Перед нами как бы два суда о земле: старый общинный суд ст. 9-й и новый суд по грамотам ст. 10-й.

Значение ПСГ в том, что она показывает самый момент этого перелома, эпоху, когда еще действуют оба суда и письменный акт еще сочетается с показаниями «соседей». В том, что грамота на землю — вещь еще относительно новая, убеждает, помимо вышеизложенного, также и ознакомление со статьями ПСГ, связанными с оформлением сделок на движимое имущество. В целом ряде таких статей (14-я, 19-я, 28—31-я, 36-я, 38-я, 62-я, 75-я) речь идет о двух типах документов на движимое имущество. Это, во-первых, «рукописание», или грамота, а во-вторых, «доска». Что такое «рукописание» в данном случае? На этот вопрос отвечает ст. 14-я: «рукописание» хранится в ларе — в архиве Пскова. Это надлежащим образом оформленный документ. «Доска», по ст. 19-й, — это «документ старинный и безымянный».³⁸ В статьях ПСГ происходит конкуренция этих двух типов записей с неизменной победой первого. Итак, «доска» — это старинный вид записи, вытесняемый новым видом — грамотой, «рукописанием». Однако само обилие упоминаний о «доске» свидетельствует об ее широком распространении. В недалеком прошлом, видимо, она считалась вполне авторитетным свидетельством. Именно тогда и составлялись «доски»-записи; грамот в то время или не было совсем, или их было мало и они как документ не могли конкурировать с «досками». И только теперь грамота одержала над «доской» полную

«села» брату Василию тоже «до живота», от него — на тех же началах брату Григорию и, наконец, в Никольский монастырь (№ 14). Ульяна завещает свое село своему «деверичичю» и «его отроду», но после них оно должно перейти в монастырь (№ 34). Таким образом, наследник по этим «рукописаниям» не может распоряжаться землей — отчуждать ее, минуя наследников «второго эшелона».

³⁸ Ст. 19-я: «А кто имет искати зблюдения по доскам безыменно старине, ино тот не доискался». И. И. Полосин, верно отметивший основную тенденцию этой статьи (борьба против «бирки» — старой формы акта), сумел, как мне кажется, социальный смысл ее, сосредоточив внимание на борьбе «местных бояр и пришлого князя» (Псковская судная грамота, с. 66). Н. Мурзакевич понимает под «доской» «письменный акт, начерченный на липовой или другой какой древесной коре» (Псковская судная грамота..., с. 2). Но уже И. Энгельман верно отметил, что «доски были акты самого низшего разряда... по всему видно, что установление их принадлежит древнейшему времени», а во времена ПСГ они уже не соответствовали «тогдашним более сложным гражданским отношениям» (Систематическое изложение..., с. 16). М. Ф. Владимирский-Буданов трактует «доску» как «неформальный акт» (Христоматия..., с. 153, прим. 46). Таких же взглядов придерживается и А. А. Зимин (Памятники русского права, с. 339).

победу, лишив ее почти всякого юридического значения. Но еще живы люди, на которых по их смерти можно положить «доску» «о зблюденье» (по ст. 14-й): грамота как основной и решающий вид записи сделки на движимое имущество распространилась при жизни нынешнего поколения — поколения составителей соответствующих статей ПСГ. Их время — XIV в., который и является переломным в истории частного акта на движимое имущество.

Земельные сделки, по-видимому, никаких «досок»-записей не знали. Сделки внутри общины совершались устно при «соседях» ст. 9-й, сделки между феодалами оформлялись грамотами типа тех, которые до нас дошли за XII—XIII вв. ПСГ рисует картину вторжения грамоты в мир «соседей». Это важнейший момент в истории поземельных отношений.

В каких общественно-исторических условиях можно было обходиться без земельного акта? Устный ряд или сделки при свидетелях могли быть достаточны в случаях отчуждения земли в сравнительно узком кругу лиц, более или менее знающих друг друга. В чужие, посторонние, руки, людям, незнакомым и не знающим «соседей», земля отчуждалась, вероятно, сравнительно редко. Основной «моделью» отчуждения было отчуждение в узком кругу, «в своем мире», выражаясь языком Краткой Правды. Остальные случаи подгонялись под эту модель — грамоты не требовались. Отчуждение носило, если можно так выразиться, «личностный» характер; удостоверение прав на землю зависело от «соседей», от того «мира», в котором совершались сделки и жили контрагенты. Земля в широких масштабах еще не выходила из этого «мира», из круга родичей, соседей и т. п.

XIV век, век ПСГ, был, видимо, переломным. Появление земельного акта — документа, сохраняющего силу независимо от каких-либо обстоятельств, от того, «знают» или «не знают», «помнят» или «не помнят» «соседи», документа, эмансипированного, таким образом, от этих «соседей» и от этого «мира», — и превращение его в решающий аргумент на суде о земле вызвано, видимо, не только учащением сделок, но и изменением их характера. Земля все больше попадает в посторонние «добрым людям соседям» руки, в руки людей, которые не могут или не хотят сослаться на «соседей». Земля уходит из мира «соседей», из общины; она переходит в чужие руки — в руки феодала.³⁹ Основной моделью отчуждения становится отчуждение по грамоте, она постепенно проникает и в отношения между «соседями».

Псковская судная грамота с ее судом о земле завершает один и начинается другой этап оформления земельных сделок — этап письменного земельного акта.

³⁹ Забегая вперед, отметим, что в многочисленных тяжбах о земле в XV в. в Северо-Восточной Руси феодалы почти всегда ссылаются на грамоты, а крестьяне — почти всегда только на «добрых людей».